

УДК 321.7+339.92

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-21-38

«Новые демократии»
в условиях экономической глобализации:
проблемы и перспективы развития

Сергей Л. Чепель

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия, ChepelSL@mpei.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ воздействия экономической глобализации на развитие «третьей волны» демократизации. На основе данных экономической и политической статистики предпринята попытка выявить характер влияния либерализации товарных, финансовых и производственных взаимодействий в рамках глобальной экономической системы на уровень культурно обусловленного спроса на политическую свободу и уровень ее институционального предложения в странах «новой демократии».

В статье прежде всего исследуется проблема двойственного воздействия процесса включения демократизирующихся обществ в систему глобального разделения труда на их политическую культуру. Способствуя распространению в общественном сознании секулярно-рациональных ценностей, что выразилось в расширении демократического политического участия, экономическая глобализация, в то же время удерживая большинство стран «третьей волны» в границах мировой экономической периферии и полупериферии, содействовала сохранению в их массовой культуре преобладающего влияния ценностей выживания, формирующих ограниченный спрос на политическую свободу.

Автор также приходит к выводу, что в условиях обостряющейся конкурентной борьбы на глобальных рынках, вынуждающей правительства сворачивать социальные программы, провоцируя тем самым рост протестной активности граждан, правящие элиты новых демократических государств выбирают курс на ограничение институционального предложения политической свободы, что означает движение к нелиберальной форме демократии.

Ключевые слова: экономическая глобализация, «третья волна» демократизации, нелиберальная демократия, ценности выживания, ценности самовыражения, страны «новой демократии»

Для цитирования: Чепель С.Л. «Новые демократии» в условиях экономической глобализации: проблемы и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 21–38. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-21-38

“New Democracies” under Conditions of Economic Globalization. Problems and Perspectives of Development

Sergey L. Chepel

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Finance University, Moscow, Russia, ChepelSL@mpei.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the impact of economic globalization on the progress of democratization “third wave” democratization. Basing on the economic and political statistics data the author makes attempt to reveal the nature of the impact of the liberalization of commodity, financial and industrial interactions within the global economic system on the level of culturally-based demand for political freedom as well as the level of its institutional offer in the countries of the “new democracy”.

The article focuses on the ambivalent effect which the process of involvement of the societies undergoing democratization into the global division have on their political culture. On the one hand, economic globalization, on the one hand, encourages spreading in mass conscience of secular and rational values that are manifested in the expansion of political participation. On the other hand, the majority of “the third wave” countries are held within the periphery and semi-periphery of the world economy. This situation contributed to preserving in their mass culture prevalence of survival values, shaping a limited demand for political freedom.

The author concludes that increasing competition in global markets makes the governments to cut down social expenses what in its turn provokes mass protest and lead the ruling elites of new democratic states to choosing a policy of limited institutional offer of political freedom. And this kind of policy means moving towards non-liberal form of democracy.

Keywords: economic globalization, democratization “third wave”, non-liberal democracy, values of survival, values of self-expression, the countries of “new democracy”

For citation: Chepel SL. «New Democracies» » under Conditions of Economic Globalization. Problems and Perspectives of Development. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:21-38 DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-21-38

Введение

Изучение воздействия глобализации на развитие демократии является одним из приоритетных направлений современных политических исследований. При этом в поле зрения политологов находятся как страны зрелой демократии, так и главным образом «новые» демократические государства, возникшие в ходе «третьей волны» демократизации, охватившей мир в конце XX в. С 1972 по 2002 г., по оценкам Freedom House, доля свободных стран увеличилась с 29% до 46%, частично свободных – с 25% до 29%, а доля несвободных стран уменьшилась с 46% до 25% [1]. Вместе с тем в последней трети XX в. наблюдался беспрецедентный рост масштабов и интенсивности экономических связей между странами за счет либерализации торгово-финансовых взаимодействий, а также возникновение транснациональных сетей производства как структуры глобальной экономики. В частности, по данным Института Фрейзера, с 1975 по 1995 г. средний индекс экономической свободы в мире вырос с 3,9 до 5,2 [2 р. 82], а согласно отчетам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКАД) в период 1982–1994 гг. объем исходящих прямых иностранных инвестиций увеличился с 57 млрд до 222 млрд долларов, а входящих – с 61 до 226 млрд долларов [3 р. 14]. Положительная корреляция между процессами глобальной политической и экономической трансформаций сформировала устойчивое представление о том, что массовость демократических переходов является следствием включения недемократических стран «второго» и «третьего» миров в глобальную рыночную экономическую систему. «За распространением демократии, – заметил, в частности, Э. Гидденс, – стоит глобализация» [4 р. 21]. Однако продолжает оставаться дискуссионным вопрос о характере воздействия глобализации на качество демократии в странах «третьей волны». Иными словами, способствует ли экономическая глобализация становлению либерально-демократических режимов либо, напротив – распространению нелиберальных демократий?

Действительно, в ходе «третьей волны» ее участники достигли различных результатов. Одни составили категорию стран устойчивой демократизации, как вступившие в этап консолидации, другие – неустойчивой демократизации, как существующие в виде неконсолидированных «новых демократий», третьи – неудавшейся демократизации, как вернувшиеся к иной форме авторитарного режима. «Теперь, когда волна достигла вершины и направление будущих режимных изменений становится намного менее предсказуемым, – заметил в связи с этим Ф. Шмиттер, – привлекательность общей цели уступила место осознанию не только того, что консолидация демократии является гораздо более трудной задачей, чем замещение авторитарности, но также того, что все признанные демократические серферы стремились приплыть не на один и тот же пляж» [5]. Сравнительный анализ режимных трансформаций, предпринятых в странах «третьей волны», показал, что успех демократизации был связан как с уровнем общественного спроса на политическую свободу, так и с деятельностью правящих элит, решения которых определяли институциональные рамки реализации обществом своих политических прав и свобод. Отмечая особенности влияния объективного и субъективного факторов на динамику и результаты демократических переходов, Р. Инглхарт и К. Вельцель подчеркивают, что «значительное продвижение по демократическому пути произошло лишь в тех странах, где спрос на свободу превышал предложение» [6 с. 277]. Поэтому, выявляя характер воздействия экономической глобализации на развитие «новых демократий», следует исходить из того, насколько она оказывала и продолжает оказывать влияние как на уровень культурно обусловленного спроса на политическую свободу, так и на уровень ее институционального предложения.

Экономическая глобализация и трансформация политической культуры

Главный аргумент сторонников идеи позитивного влияния глобализации на развитие демократии сводится к тому, что либерализация внешнеэкономической деятельности, стимулирующая рост производства, обеспечивает повышение благосостояния общества, что, в свою очередь, способствует распространению либерально-демократических ценностей в общественном сознании, развитию партийно-политического плюрализма, а значит укреплению спроса на демократическую систему правления. Как отмечал один из при-

знанных теоретиков модернизации С. Липсет, «чем богаче государство, тем выше вероятность того, что в нем будет поддерживаться демократия» [7 с. 46]. По его мнению, рыночный экономический рост дает возможность частному бизнесу и гражданскому обществу в целом обрести автономию по отношению к государству, а средним слоям, которые выступают главной антиавторитарной силой, стать в дальнейшем социальной опорой либеральной демократии. В этих условия авторитарному государству приходится все больше считаться с обладателями расширяющихся ресурсов политического влияния, ориентироваться на потребности общества, соблюдать его права. К тому же уход в прошлое, по мере роста благосостояния общества, социальной и политической напряженности лишает диктаторов тех аргументов, которые ранее служили оправданием их пребывания у власти. «Продолжительный экономический успех, – подчеркивают Х. Линц и А. Степан, – может способствовать осознанию того, что исключительные принудительные меры недемократического режима более не являются необходимыми и могут, вероятно, подорвать устойчивость нового экономического процветания» [8 р. 78]. Влияние фактора экономического роста на процесс «третьей волны» демократизации отмечал также С. Хантингтон, указывая на его ключевую роль не только в становлении среднего класса, но и в формировании элементов гражданской политической культуры как ценностного основания демократического режима. Тезис С. Липсета в основном нашел подтверждение и в работах современных исследователей. В частности, А. Пшеворский и его коллеги, анализируя взаимосвязь экономического развития и динамики политических режимов в последней трети XX в., приводят данные о том, что в странах, где среднедушевой доход не превышал 1000 долларов в год, диктатуры стабильно существовали в неизменном виде. При среднедушевом доходе от 1001 до 4000 долларов диктатуры становились менее устойчивыми, а от 4001 до 7000 долларов – нестабильными. Однако при среднедушевом доходе более 7000 долларов в год вероятность выживания диктатур возрастала. «Демократический транзит менее вероятен в бедных и в богатых странах, – констатируют авторы исследования, – он более вероятен в странах со средним доходом» [9 с. 94].

Исторический опыт модернизации действительно свидетельствовал о том, что переход к системе рыночных экономических отношений, стимулировавший рост уровня образования и доходов населения как главных факторов социальной мобилизации, способствовал развитию политической культуры участия и усилению интереса граждан к демократической форме организации

политической власти. В условиях экономической глобализации открытость мировых торговых и финансовых рынков значительно расширила, по сравнению с предшествовавшим периодом, возможности наращивания национальными экономиками объемов производства, а значит и повышения общественного благосостояния. Так, по данным Всемирного банка, с 1981 по 2001 г. доля населения развивающихся стран, живущего в крайней бедности, т. е. ниже, чем на 1 доллар в день, сократилась с 40,4 до 21,1% [10 р. 28]. Однако этот общий прогресс в борьбе с нищетой имел свои макрорегиональные особенности. Можно утверждать, что существенные различия в темпах сокращения нищеты отразили степень и характер включения развивающихся макрорегионов в систему глобального разделения труда. Наилучшие результаты были достигнуты именно в странах Восточной Азии, которые активно интегрировались в глобальную экономику за счет развития экспортно-ориентированных отраслей производства и использования своего конкурентного преимущества в виде низкой стоимости рабочей силы. В период с 1981 по 2001 г. доля крайне бедного населения снизилась в них с 57,7 до 14,9% [10 р. 28]. Как известно, четыре восточноазиатских «тигра» – Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг, избравшие эту экономическую стратегию в 60-е гг. XX в., добились быстрого промышленного роста и теперь занимают ведущее положение в группе «новых индустриальных стран» по уровню доходов населения. Используя опыт своих ближайших соседей, Китай перешел к активной внешнеэкономической политике в конце 1970-х гг. и сумел достичь беспрецедентных темпов экономического развития, а в итоге значительного сокращения крайней бедности, показатель которой в период 1981–2001 гг. снизился с 63,8 до 16,6% [10 р. 28]. В отличие от восточноазиатских стран, государства Южной Азии, сделавшие первоначально ставку на политику протекционизма, в меньшей степени преуспели в борьбе с массовой нищетой, уровень которой в указанный период снизился с 51,5 до 31,3% [10 р. 28]. Так, Индия, ведущая страна этого макрорегиона, сориентировавшая свою экономику на внешние рынки только в 1980-е гг., после потерпевшей провал предшествующей политики автаркии, продемонстрировала в период 1981–2001 гг. более низкие, чем Китай, темпы сокращения доли крайне бедных, которая снизилась с 54,4 до 34,7% [10 р. 28].

Применение политики импортозамещающей модернизации, к которой обратились многие страны Латинской Америки в 1950-е гг., также содействовала сдерживанию экономического

роста. Попытка наладить производство широкой номенклатуры товаров за счет развития национальной промышленности, защищенной от внешней конкуренции высокими тарифными барьерами, привела к неоправданно широкому вмешательству государства в экономику, нарастанию технологической отсталости предприятий и значительному росту потребительских цен. В результате большинство стран этого макрорегиона остались преимущественно поставщиками сельскохозяйственной продукции, не сумев повысить качество своих промышленных товаров до уровня конкурентоспособности на мировых рынках. Поэтому даже относительно невысокий, по сравнению с Восточной и Южной Азией, показатель крайней бедности не изменился, составив в 1981 г. 9,7%, а в 2001 г. 9,5% [10 р. 28]. Только серия либеральных экономических реформ, предпринятая в отдельных латиноамериканских странах в конце XX в., помогла активизировать промышленный рост и повысить реальные доходы населения. Наиболее масштабно курс на построение автаркической экономики был реализован в странах Тропической и Южной Африки. Стремясь обрести подлинную независимость от своих бывших западных хозяев и нередко вдохновляемые опытом «реального социализма», эти страны избрали экономическую стратегию, предполагавшую масштабную национализацию, жесткую валютную и тарифную импортную политику, государственный контроль потребительских цен, которая заблокировала процесс их индустриального развития. Так, по данным Института Фрейзера, из девяти стран, имевших самый низкий рейтинг экономической свободы на протяжении всего периода 1975–1995 гг., пять находились в Африке [2 р. 67]. Оставаясь исключительно экспортерами сырья, африканские страны в условиях падения в 80-е гг. XX в. спроса на сырьевые ресурсы оказались в ситуации социально-экономической катастрофы, выразившейся в прогрессирующей массовой нищете. По оценкам того же Всемирного банка, в период 1981–2001 гг. в африканских странах, расположенных южнее Сахары, доля крайне бедных не сократилась, а, напротив, выросла с 41,6 до 46,9% [10 р. 28].

Открыв более широкие, чем прежде, возможности достижения экономического роста и повышения уровня жизни, глобализация в то же время, резко обострив конкуренцию на мировых товарных рынках, усложнила продвижение развивающихся макрорегионов из периферии в полупериферию и тем более из полупериферии в центр глобальной экономики. Несмотря на имеющиеся в ряде случаев успехи в деле наращивания темпов и объемов производства,

низкий уровень диверсификации экспорта, типичный для развивающихся экономик, стал непреодолимым препятствием на пути к массовому общественному благосостоянию. Некоторые из новых участников глобальной экономической системы столкнулись даже с парадоксом т. н. «разоряющего роста», когда, специализируясь на производстве какого-то одного вида сырья, они, увеличивая объемы его экспорта, стимулировали падение мировых цен на него. Как точно заметил Д. Родрик относительно формируемой глобализацией дилеммы экономического развития, «если вы остановите свой выбор на сырьевой отрасли, то международное разделение труда лишит вас возможности к производству чего-либо иного» [11 с. 322]. Действительно, лишь немногим странам развивающихся макрорегионов удалось, наладив выпуск промышленных товаров, пользующихся спросом на мировых рынках, приблизиться по уровню доходов на душу населения к показателям небогатых стран центра глобальной экономической системы. «В этом отношении, – отмечают Д. Хелд и его коллеги, – новое международное разделение труда усиливает поляризацию экономического благосостояния в глобальной экономике и порождает новые типы стратификации» [12 с. 203].

Противоречивое воздействие глобализации на экономику развивающихся стран стало одним из главных факторов, определивших особенности их политической культуры. С одной стороны, включение в систему глобальных рыночных экономических взаимосвязей способствовало распространению в общественном сознании секулярно-рациональных ценностей, что выразилось в росте интереса граждан к демократическим формам политического участия. Именно поэтому «третья волна» демократизации приобрела столь масштабный характер, охватив страны разных цивилизационных ареалов. С другой стороны, удерживая большинство стран «третьей волны» в границах мировой экономической периферии и полупериферии, глобализация содействовала сохранению в их культуре преобладающего влияния ценностей выживания, которые, как известно, являются крайне неустойчивой опорой либеральной демократии. «Ценности, акцентирующие личную независимость и эмансипацию, еще не получают массового распространения в большинстве обществ, находящихся на ранней стадии индустриализации, – подчеркивали Р. Инглхарт и К. Вельцель, – как показывает опыт истории, в таких странах почти с равной вероятностью может утвердиться и демократический строй, и фашистские или коммунистические режимы» [6 с. 95].

Согласно концепции Р. Инглхарта, смена преобладающих в культуре общества ценностей выживания – физическая и экономическая безопасность ценностями самовыражения – личная независимость и свобода выбора произошла в странах Запада в 70-е гг. XX в. в процессе перехода к постиндустриальной экономике. Этот культурный сдвиг, как постепенная, от поколения к поколению «тихая революция», стал результатом возрастания материальной, интеллектуальной и социальной автономии личности. Мощная система социального обеспечения позволила человеку выдвинуть на первый план нематериальные жизненные цели. Вместе с тем расширение «интеллектуального класса» и диверсификация социальных контактов в условиях постиндустриального экономического развития стимулировали рост числа граждан, независимо и критически воспринимающих институты и нормы социального контроля. «Этот процесс эмансипации, – констатируют Р. Инглхарт и К. Вельцель, – дает людям ощущение самостоятельности, в результате чего они начинают придавать большее значение свободе выбора и менее склонны безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим «общепринятым истинам» [6 с. 52]. Именно недостаток ценностей самовыражения в культуре стран «новой демократии», как результат воздействия экономической глобализации, объясняет то, что в 1990-е гг. темпы демократической волны снизились, а в первое десятилетие XXI в. наступила ее стагнация. По данным Freedom House, в период 2002–2012 гг. не наблюдалось роста доли свободных стран, которая оставалась на уровне 46%, доля частично свободных стран выросла с 29 до 30%, а доля несвободных стран сократилась с 25 до 24% [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что экономическая глобализация, придав импульс развитию демократического общественного сознания в странах «третьей волны», тем не менее содействовала сохранению в них весьма ограниченного культурно обусловленного спроса на политическую свободу. Культура, основанная главным образом на ценностях выживания, в политической сфере выразилась преимущественно в утилитарных мотивах поддержки населением «новых демократических режимов», что и способствовало трансформации многих из них в нелиберальные демократии. В свете данной оценки нельзя не согласиться с мнением профессора парижского Института политических наук З. Лайди о том, что «если глобализация, бесспорно, повышает легитимность и иногда эффективность демократии как процедуры, она не гарантирует никоим образом развитие демократии как культуры» [13].

Экономическая глобализация и принятие правительственных решений

Слабость объективных предпосылок демократических переходов нередко компенсировалась активной деятельностью реформаторов из правящей и оппозиционной элит, нацеленной на демонтаж нежизнеспособной диктатуры и конструирование демократического режима. Как заметил, оценивая еще в начале 90-х гг. XX в. достижения и перспективы «третьей волны» демократизации, С. Хантингтон, «экономическое развитие делает демократию возможной, политическое руководство делает ее реальной» [14 с. 337]. В этой связи возникает вопрос о том, насколько воздействие экономической глобализации на сферу принятия правительственных решений сказывается на уровне институционального предложения политической свободы в странах «новой демократии»?

Обращаясь к этой проблеме, следует прежде всего подчеркнуть, что либерализация мировой торговли, переход к открытым глобальным финансовым рынкам, возникновение транснациональных сетей производства существенно изменили оценку правящими элитами национальных государств издержек и выгод выбора той или иной экономической стратегии. Ведь в условиях возросшей взаимосвязанности рынков капитала и его высокой мобильности расплатой за ошибки в определении приоритетов макроэкономической политики становятся неизбежная спекулятивная атака на национальные валюты и бегство капитала, что грозит обострением социальных проблем и политической нестабильностью. Усиливающаяся зависимость от глобальной экономической конъюнктуры вынудила правительства проводить политику снижения транзакционных издержек, направленную на укрепление доверия со стороны транснациональных товарных и финансовых рынков. Основными принципами этой политики, сформулированными в 1989 г. экономистом Дж. Вильямсоном и закрепленными в так называемом Вашингтонском консенсусе, стали борьба с инфляцией за счет налоговой дисциплины; минимизация государственного субсидирования национальных предприятий; снижение налоговых ставок; недопущение переоценки национальной валюты; либерализация внешней торговли; поощрение свободы иностранных капиталовложений; приватизация государственных предприятий; отказ от государственного регулирования промышленности. Таким образом, в условиях глобализации национальные государства, сохраняя суверенитет как право самостоятельно разрабатывать свой экономический курс, оказались заметно ограничены в плане

политической автономии как свободы выбора методов его осуществления. При этом следует отметить, что принципы экономической глобализации сыграли не последнюю роль в судьбе авторитарных режимов в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, которые, лишившись поддержки мирового рынка финансовых ресурсов из-за своей управленческой непредсказуемости и хозяйственной неэффективности, были вынуждены уйти с политической арены. Иными словами, один из надежных способов повысить свою инвестиционную привлекательность – это обеспечить законность и демократизм процесса выработки государственного курса, что позволяет инвесторам строить долгосрочные планы относительно своих капиталовложений. Как замечает профессор калифорнийского университета в Беркли Б. Эйшенгрин, «финансовая открытость вынуждает правительства к большей прозрачности, если они хотят обрести доверие рынков и эта прозрачность поет отходную автократическим режимам» [15].

Однако экономическая глобализация поставила в сложную ситуацию не только авторитарные режимы, но и страны «новой демократии». Главным фактором снижения эффективности традиционных методов макроэкономического регулирования стала деятельность транснациональных корпораций (ТНК), доминирующих на мировых товарных и финансовых рынках. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), только в период 1993–1995 гг. у 100 крупнейших ТНК в совокупности иностранные активы выросли на 30%, составив 1,7 трлн долларов, мировые продажи – на 26%, составив 2 трлн долларов, занятость на предприятиях по всему миру – на 4%, составив около 5,8 млн человек [16 р. 28, 34]. Функционирующие в глобальном масштабе ТНК обладают возможностью легко перемещать инвестиции через сеть своих филиалов и дочерних предприятий туда, где ожидается наибольшая прибыль. Очевидно, что в условиях нарастающей экстерриториальности ТНК кейнсианская политика управления спросом ради поддержания объемов национального производства и снижения уровня безработицы, основанная, главным образом, на эффективном контроле правительств над налоговыми поступлениями, существенно подрывается мобильностью капитала, свободно перетекающего в зоны с наиболее благоприятным налоговым климатом. Эта абсолютно новая экономическая ситуация дала основание У. Беку с горечью заметить, что «предприниматели открыли философский камень богатства, новая магическая формула гласит: капитализм *без труда* плюс капитализм *без налогов*» [17 с. 16]. Поэтому стремление сохранить инвестиционную привлекательность

зачастую толкает правящие элиты к свертыванию социальных программ, снижению налогов на транснациональный капитал и перенос налогового бремени на отечественный средний и малый бизнес. С точки зрения нелиберальных экономистов стратегия сокращения трансакционных издержек предполагает и ограничение влияния профсоюзов, как главных защитников прав лиц наемного труда, на экономическую политику государства. Как справедливо отмечает Д. Родрик, «гиперглобализация действительно требует загнать внутреннюю политику в дальний угол и изолировать технократов от нажима со стороны популистских группировок» [11 с. 385]. В этой связи можно предположить, что условием успешного участия национальных государств в остроконкурентной глобальной системе экономических взаимодействий потенциально выступает курс на ограничение использования демократических средств управления в пользу недемократических. Ведь поддержание инвестиционной привлекательности за счет минимизации внутренних государственных социальных обязательств неизбежно провоцирует рост протестной политической активности. Эффективно противодействовать ей можно, только ограничив политическое влияние партий и профсоюзов либо даже применяя авторитарные методы подавления социального протеста, полностью отказавшись тем самым от демократии.

Именно слабостью демократических институтов в большинстве стран Запада и их отсутствием в остальных странах мира в конце XIX в. объясняется стабильное функционирование системы так называемого классического золотого стандарта как исторически первой формы экономической глобализации. Данная международная система платежей, введенная в действие в 1878 г. и предусматривавшая жесткую привязку каждой национальной валюты к определенному золотому паритету, представляла собой решительный шаг к глобальному торгово-финансовому рынку. Зафиксированные и не подлежащие изменению обменные курсы между валютами существенно облегчили международные торговые операции, позволяя предпринимателям направлять товарные потоки в ту или иную страну, не опасаясь колебаний курсов национальных валют. Система золотого стандарта предусматривала также механизм автоматической корректировки, т. е. поддержание центральными банками стран объема денежной массы национальной валюты в соответствии с размером имеющегося у них золотого запаса. Таким образом, были созданы единые «правила игры», которые вынуждали национальные государства приспособлять свою внутреннюю финансово-экономическую политику к требованиям глобального

экономического порядка. При этом следует подчеркнуть, что безотказное действие механизма автоматической корректировки обеспечивалось, прежде всего, тем, что недемократические правительства могли игнорировать негативные социальные последствия обесценивания национальных валют, такие как снижение уровня жизни широких слоев населения и массовая бедность. Однако экономические трудности, с которыми столкнулись страны мира после Первой мировой войны, вынудили правительства прибегнуть к протекционистским мерам и отказу от системы золотого стандарта, которая окончательно распалась под ударами Великой депрессии. Существенную роль в изменении национальной экономической стратегии сыграло укрепление в начале XX в. профсоюзного движения. Ведь способность мощных профцентров добиваться сохранения на прежнем уровне доходов наемных работников в условиях ухудшения экономической конъюнктуры, вызванного колебаниями на глобальных рынках, означала неизбежное падение занятости и рост социально-политической напряженности в обществе. Вместе с тем последовавшая в тот же исторический период демократизация политических систем стран Запада и расширение влияния социалистических партий практически исключили применение силы в ответ на протестные акции трудящихся. Как констатирует Д. Родрик, «в условиях выбора между невеселыми политическими последствиями массовой безработицы и отказом от золотого стандарта демократически избранное правительство, в конце концов, отдаст предпочтение второму варианту» [11 с. 110].

Безусловно, для современных индустриально развитых стран политическая дилемма глобализации – экономический рост или либеральная демократия не является очевидной проблемой. Активно защищая экономические и социальные права лиц наемного труда, профсоюзы в рамках системы «трехстороннего партнерства», а левые политические партии в парламентах способны пока удерживать правящие элиты от радикального сокращения бюджетных затрат на общественные нужды под давлением глобального бизнеса. Однако в демократизирующихся странах, составляющих полупериферию и периферию мировой экономической системы и, как правило, не обладающих политической инфраструктурой, готовой эффективно отстаивать интересы трудящихся, снижение трудовых и социальных стандартов может использоваться правящими элитами с целью повышения конкурентоспособности национальных экономик. При этом ограничение институционального предложения политической свободы и подавление социального протеста могут рассматриваться как временные, но необходимые

меры, обеспечивающие политическую стабильность, необходимую для успешного экономического развития. Так, по мнению аргентинского политолога Г. О'Доннелла, одного из наиболее известных специалистов по политическим режимам стран Латинской Америки, своим сдержанным отношением к расширению демократии в переходных обществах современные неолиберальные технократы напоминают собой прежних авторитарных правителей. «С их точки зрения, – пишет Г. О'Доннелл, – демократизация не является чем-то заслуживающим внимания: в настоящем она рассматривается как политическое минное поле, таящая в себе угрозу экономической рациональности» [18]. Иными словами, курс на абсолютное подчинение национальной экономической стратегии требованиям глобального бизнеса так же опасен для демократии, как и политика автаркии. Самоизоляция от мировой экономики, приводящая к технологической деградации и массовой бедности, порождает и усиливает авторитарную форму правления как инструмент защиты интересов коррумпированных политических элит и в то же время как средство распределения скудных материальных ресурсов среди нищего населения. Стремление же к успеху за счет максимально глубокой экономической интеграции, приносящее немало материальных преимуществ, приводит к отрыву правящих элит от национальных интересов и попыткам ограничить политическое влияние гражданского общества как фактор, снижающий эффективность принимаемых управленческих решений. Поэтому сохранение и дальнейшая консолидация «новых демократий» в условиях глобализации возможны только в рамках правительственной политики, гибко сочетающей рыночные и государственные формы экономического регулирования.

Заключение

Стагнация «третьей волны» демократизации, выразившаяся в отсутствии роста доли либеральных демократий среди стран мира, явилась одной из наиболее значимых политических тенденций первого десятилетия XXI в. Лишь ограниченная группа «новых демократий» составила категорию стран устойчивой демократизации. Большинство же участников «третьей волны» вошли либо в категорию стран неустойчивой демократизации, либо неудавшейся демократизации. Столь различные результаты попыток осуществления демократического перехода во многом были обусловлены объективными предпосылками, сложившимися в авторитарных

и тоталитарных обществах к началу кризиса и распада диктаторских режимов. Однако именно экономическая глобализация в виде либерализации товарных, финансовых и производственных отношений между странами стала главным фактором, определившим общую динамику «третьей волны» демократизации.

Включение «новых демократий» в систему глобальных экономических взаимодействий, сопровождавшееся повышением уровня образования, информированности и доходов граждан, оказало мощное секуляризирующее воздействие на их культуру и тем самым содействовало расширению автономного политического участия и укреплению поддержки демократических форм политической организации общества. Массовость попыток перехода к демократии свидетельствовала об укоренении в культуре поставлоритарных и посттоталитарных обществ рационально-секулярных ориентаций. Вместе с тем глобализация, удерживая большинство демократизирующихся стран в периферии или полупериферии мировой экономической системы, блокировала распространение в общественно-политическом сознании ценностей самовыражения. Именно это двойственное влияние экономической глобализации на массовую политическую культуру проявилось в ограниченном общественном спросе на политическую свободу в большинстве стран «новой демократии».

Не менее значимым результатом воздействия экономической глобализации на развитие «третьей волны» демократизации стала тенденция к ограничению правящими элитами «новых демократий» институциональных возможностей реализации гражданами своих политических прав и свобод. В условиях обострения конкурентной борьбы на глобальных рынках поддержание инвестиционной привлекательности национальных экономик за счет снижения социальных стандартов представлялось правительствам стран экономической периферии или полупериферии как значительное конкурентное преимущество. Однако социальное недовольство и протестные действия, порождаемые такой политикой «гонки по нисходящей», могли быть нейтрализованы только с помощью недемократических методов управления.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что экономическая глобализация способствовала формированию не только ограниченного уровня культурно обусловленного спроса на политическую свободу, но и низкого уровня ее институционального предложения. Подтверждением тому служит сохранение в настоящее время среди стран «третьей волны» значительной доли нелиберальных демократий.

Литература

1. Freedom in the World. Country Ratings – Freedom House [Электронный ресурс] URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/table-country-ratings> (дата обращения 25.02.2018).
2. *Gwartney J., Lawson R., Block W.* Economic Freedom of the World: 1975–1995. P. 82. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/EconomicFreedomoftheWorld1975-1995.pdf> (дата обращения 25.02.2018).
3. World Investment Report 1995. Transnational corporations and competitiveness. P. 14. [Электронный ресурс]. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1995_en.pdf (дата обращения 04.03.2018).
4. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
5. *Шмиттер Ф.* Более либеральная, предлиберальная или постлиберальная? // Русский Журнал. 28.10.1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm> (дата обращения 18.03.2018).
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. *Лунсет С.* Политический человек: социальные основы политической жизни // Теория и практика демократии: Избранные тексты / Сост. Р.А. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. М.: Ладомир, 2006. С. 46–53.
8. *Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist Europe. London. Baltimore: The Johns Hopkins University Press Ltd., 1996. 479 p.
9. *Пшеворский А., Альварес М., Чейбуб Х., Лимонджи Ф.* Экономическое развитие и политические режимы // Теория и практика демократии: Избранные тексты / Сост.: Р.А. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. М.: Ладомир, 2006. 496 с.
10. *Shaohua Chen, Ravallion M.* How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980s? Development Research Group. Washington, D.C.: World Bank, 2004. P. 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e870/90db178cbf7f3787d2ffb165b1c3a024d380.pdf> (дата обращения 11.03.2018).
11. *Родрик Д.* Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 576 с.
12. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макерю Э., Пerratон Дж.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практикс, 2004. 576 с.
13. *Laidi Z.* Mondialisation et democratie // Politique étrangère. 2001. 3(66). P. 603–618. [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_2001_num_66_3_5101 (дата обращения 25.03.2018).
14. *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.

15. *Eichengreen B.* Democratie et mondialisation: la poule et l'oeuf // Telos. Sept. 15, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telos-eu.com/fr/globalisation/politique-internationale/democratie-et-mondialisation-la-poule-et-luf.html> (дата обращения 25.03.2018).
16. World Investment Report 1997. Transnational corporations, market structure and competition policy [Электронный ресурс]. P. 28, 34. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1997_en.pdf (дата обращения 04.03.2018).
17. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
18. *О'Доннелл Г.* Следует ли слушаться экономистов? // Русский журнал. 11.11.1997. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm (дата обращения 14.05.2018).

References

1. Freedom in the World. Country Ratings – Freedom House [Internet]. [data obrashcheniya 25 Feb. 2018]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/table-country-ratings>
2. Gwartney J., Lawson R., Block W. Economic Freedom of the World: 1975–1995 [Internet]. P. 82. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1995_en.pdf
3. World Investment Report 1995. Transnational corporations and competitiveness [Internet]. P. 14. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1995_en.pdf
4. Giddens A. Runaway world. How globalization is reshaping our lives. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 116 p. (In Russ.)
5. Schmitter Ph. More Liberal. Preliberal or Postliberal? [data obrashcheniya 18 Mar. 2018]. URL: <http://www.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm>
6. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, cultural change and democracy. The human development sequence. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.; 2011. 464 p. (In Russ.)
7. Lipset S. Political man. The social bases of political life. V: Dal' RA., Shapiro I., Cheibub JA., comp. *Theory and practice of democracy. Selected texts*. Moscow: Ladomir Publ.; 2006. p. 46-53. (In Russ.)
8. Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America, and post-communist Europe. London: The Johns Hopkins Press Ltd., 1996. 479 p.
9. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub JA., Limongi F. Economic development and political regimes. V: Dal' RA., Shapiro I., Cheibub JA., comp. *Theory and practice of democracy. Selected texts*. Moscow: Ladomir Publ.; 2006. 496 p. (In Russ.)
10. Shaohua Chen, Ravallion M. How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980s? Development Research Group. Washington, D.C.: World Bank, 2004. P. 28

- [Internet]. [data obrashcheniya 11 Mar. 2018] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e870/90db178cbf7f3787d2ffb165b1c3a024d380.pdf>
11. Rodrik D. The globalization paradox. Democracy and the future of the world economy. Moscow: Institut Gaidara Publ.; 2014. 576 p. (In Russ.)
 12. Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. Global transformations. Politics, economics and culture. Moscow: Praxis Publ.; 2004. 576 p. (In Russ.)
 13. Laidi Z. Mondialisation et démocratie. *Politique étrangère*. [Internet]. 2001. [data obrashcheniya 25 Mar. 2018]; 3. p. 603-18. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_2001_num_66_3_5101
 14. Huntington S. The third wave. Democratization in the late twentieth century. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; 1991. 368 p. (In Russ.)
 15. Eichengreen B. Démocratie et mondialisation: la poule et l'oeuf. *Telos*. [Internet]. 2006 [data obrashcheniya 25 Mar. 2018]; Sept. 15. URL: <https://www.telos-eu.com/fr/globalisation/politique-internationale/democratie-et-mondialisation-la-poule-et-luf.html>
 16. World Investment Report 1997. Transnational corporations, market structure and competition policy [Internet]. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018];28,34. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1997_en.pdf
 17. Beck U. What is globalization? Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2001. 304 p. (In Russ.)
 18. O'Donnell G. Do economists know best? *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [data obrashcheniya 18 Mar. 2018];1. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm

Информация об авторе

Сергей Л. Чепель, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва 125993, Ленинградский проспект, д. 49; ChepelSL@mpei.ru

Information about the author

Sergey L. Chepel, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Finance University, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradsky av., Moscow, 125993, Russia; ChepelSL@mpei.ru